Архимандрит Никанор (Бровкович)

К первому дню нового года
(Поучение на новый (1860) год. Христианство и прогресс)

Archimandrite Nicanor (Brovkovich)

Homily on the First Day of the New Year. Christianity and Progress (1860)

Archimandrite Nicanor (Brovkovich) (1826–1890) — Orthodox theologian, priest of the Russian Orthodox Church, Archbishop of Chersonesus and Odessa (1883–1890).

The text of Archimandrite Nicanor is dedicated to Christian reception of the idea of "progress of humankind". For Archimandrite Nicanor, the purpose of mankind, according to the idea of progress, is the dispensation of the paradise on Earth in separation from religion. The origins of such an anti-Christian doctrine are both materialism and pantheistic idealism. These doctrines are based on the belief in infinite improvement of mankind, whereas the scientific evidence suggests a growing entropy in the material world. The author opposes Christian eschatology to the doctrine of the progress. Christianity focuses on a person's moral improvement rather than material values.

Keywords: Archbishop Nicanor (Brovkovich), philosophy, progress, Christianity, pantheism, idealism, materialism.

Никанор (Бровкович), архиеп. К первому дню нового года (Поучение на новый (1860) год. Христианство и прогресс) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 4 (33). С. 256-270.

Nicanor (Brovkovich), Archbishop (2015) "Homily on the First Day of the New Year. Christianity and Progress (1860)", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 33(4): 256-270.

Апостоли сошедшеся вопрошаху Иисуса глаголюще: Господи, аще в лето сие устрояеши царствие Израилево? Рече же к ним: несть ваше разумети времена и лета, яже Отец положи во своей власти.

Деян. 1, 6-7[1]

Всякое время и всякий народ имеют свои господствующие предубеждения

Народ еврейский, пред пришествием и во время пришествия Христа Спасителя на землю, имел предубеждение, что обетованный Мессия, которого в ту пору сильно и скоро ждали, который наконец и явился, освободит порабощенных евреев от владычества других народов, покорит себе всю землю и оснует земное всемирное вечное и вполне для всех людей, особенно же для евреев, счастливое царство. Это предубеждение о скором явлении на востоке велицаго царя — преобразователя разделяли и другие народы того времени.

Не чужды были этого предубеждения и св<ятые> апостолы. Господь Иисус Христос избрал Себе ближайшими учениками людей, конечно, способнейших принять, усвоить и другим преподать Его учение. Но предубеждение, на которое мы указали, было в ту пору в евреях так сильно, что не могли отрешиться от него даже эти лучшие ученики лучшего всех земных учителей, Учителя божественного, — не могли отрешиться во время трехлетнего беспрерывного обращения Его с ними, пред самым даже распятием Его и даже по воскресении и даже пред самым вознесением Его на небо, несмотря, что и речами своими и всеми событиями своей жизни Он постоянно опровергал это предубеждение. Выразившись впервые в восклицании Нафанаила: *Равви, ты еси Сын Божий, ты еси царь израилев* (Иоан. 1, 49), оно выражалось после между учениками Господними не один раз в их спорах о том,

Впервые опубликовано в журнале Казанской духовной академии «Православный Собеседник» (1870. Т. 1. С. 66–79). Републикуется по первому изданию. Автограф неизвестен.

1. Синодальный перевод: «Посему они, сойдясь, спрашивали Его, говоря: не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю? Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти...» (Деян. 1, 6–7).

кто из них болий в царствии небесном (Матф. 18, 1)[2], — в последний год земной жизни Спасителя выразилось в просьбе матери сынов Зеведеевых, которой хотелось, чтобы сыны ее, апостолы Иаков и Иоанн, *сели един одесную Господа и един ошую Его во царствии Его* (Матф. 20, 21)[3], — выразилось на самой Тайной Вечере в распре апостолов по тому же щекотливому вопросу: *кий мниться их быти болий* (Лук. 22, 24)[4], — выразилось и по воскресении в тоскливой жалобе двух учеников, которые на пути в Еммаус самому воскресшему Господу объясняли: *мы же надеялись, что сей Иисус Назорянин распятый хочет избавить Израиля* (Лук. 24, 20–21)[5]. Воскресший Господь и теперь, как делал не раз и прежде, терпеливо объясняет этим двум ученикам, равно как после и всем апостолам, что их предубеждение есть предубе-

2. Речь идет о событии из Евангелия от Матфея, когда Христос говорит об умалении себя как условии вхождения в Царствие Божие: «В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает; а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Матф. 18, 1–6).
3. Речь идет о событии из Евангелия от Матфея, когда Христос вновь говорит ученикам о необходимости самоумаления: «Тогда приступила к Нему мать сыновей Зеведеевых с сыновьями своими, кланяясь и чего-то прося у Него. Он сказал ей: чего ты хочешь? Она говорит Ему: скажи, чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем. Иисус сказал в ответ: не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь? Они говорят Ему: можем. И говорит им: чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься, но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня зависит, но кому уготовано Отцем Моим. Услышав сие, прочие десять учеников вознегодовали на двух братьев. Иисус же, подозвав их, сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Матф. 20, 20–28).
4. Речь идет о споре апостолов на Тайной Вечери и ответ Христа: «Был же и спор между ними, кто из них должен почитаться большим. Он же сказал им: цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются, а вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий — как служащий» (Лук. 22, 24).
5. Речь идет о словах апостолов, которые были сказаны ими по Воскресении Христа Ему Самому, поскольку они Его не узнали: «А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля; но со всем тем, уже третий день ныне, как это произошло» (Лук. 24, 21).

ждение, что Он хочет избавить и избавил Израиля, как и весь человеческий род, от врагов невидимых, что царство Его не от мира сего. Об этом предмете — *о царствии Божием* Он толкует апостолам, являясь им по воскресении в продолжении четыредесяти дней. Об этом ведет Он с ними и последнюю Свою беседу в последний день своего пребывания на земле, на пути к горе Елеонской, горе Вознесения. Но и тут обступив они вопрошают Его: *Господи, не в это ль наконец лето устрояешь ты царство израилево?* И вещает им Господь в этот последний раз: *не вам разуметь времена и лета, которыя положил Отец небесный в своей власти.* Не суждено основаться земному царству, какого вы ожидаете; будет основано царство другое, духовное и основано при вашем же содействии: *вы приимете силу, когда найдет на вас Дух Святый, и будете мне свидетелями во Иерусалиме и во всей Иудеи и Самарии и даже до последних краев земли.* И сказав это, на глазах их, Он поднялся и облако скрыло Его от очей их (Деян. 1, 1–11)[6].

И наше время имеет свои предубеждения. По основной мысли о возможности полного счастья для людей на земле похожее на указанное предубеждение древних евреев, господствующее предубеждение нашего времени у мнимо-передовых двигателей русской мысли, предъявляющих свое право управлять русским убеждением, есть вера в прогресс: простите за неблагозвучное и дикое для нашего слуха и языка слово.

Самая дикость эта уже показывает, что этим словом выражается новое в нашей истории и не родное нашей душе понятие. Несмотря на то, коренным понятием, исходною точкою и последнею целью становится оно в последнее время в мысли, в слове, в письме и печати, в направлении всей деятельности некоторых русских людей, провозглашающих себя нашими вожаками, от них переходит в легкие головы восприимчивого к духу времени юношества, отсюда тысячами протоков грозит переселиться скоро в народную толпу. Особенно громкие вопли в честь и славу этого идола времени стали раздаваться при наступлении последних новолетий, как раздаются и к настоящему новому году;

6. Речь идет о событии из Деяний св. Апостолов: «Посему они, сойдясь, спрашивали Его, говоря: не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю? Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти, но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли. Сказав сие, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их» (Деян. 1, 6–9).

тут-то особенно и мечтается жрецам идола, не в это ль наконец лето устроит он свое царство на земле — исполнит их задушевное чаяние... Так вот к концу прошлого и началу наступившего нового года, вопил и вопит вслух всей России один из старейших жрецов идола: «Служение прогрессу в науке и жизни и открытая неутомимая борьба против всего, что мешает этому прогрессу, вот наше направление, вот принятая нами на себя добровольно обязанность, и мы не изменим ей никогда, как никогда не изменяли» (Отеч<ественные> зап<иски> 1859, ноябрь, об издании в 1860 году)[7]. Что вопит один — старый жрец, тому вторят многие другие юнейшие, то раздается в тысячах отголосков в мыслящем или, лучше сказать, — в читающем, но не мыслящем обществе.

«Служение прогрессу и открытая неутомимая борьба против всего, что мешает этому прогрессу», — не много сказано... А знаете ли, что здесь разумеется борьба против многого такого, что в продолжении тысячелетия относилось к основным началам нашего исторического быта, что принадлежит к заветнейшим народным нашим убеждениям, что составляет существенную часть нашего православного христианства, которое и провозглашают враждебным этому новому идолопоклонству его ретивые проповедники?!.. Отсюда, чтоб не влаяться нам ветром нового немецкого учения о прогрессе во лжи человеческой, проистекает наш долг потолковать (разумеется, с возможною краткостью), а ваш послушать, в какой мере оно совместно с старым учением христианским, с старо-русскою древле-отеческою верою православною?

Что ж такое этот прогресс? По убеждению огромного большинства его проповедников, есть необходимое вечное шествие человечества вперед. В природе человека лежит будто бы неодолимый

7. Полностью данный отрывок из «Отечественных записок» выглядит следующим образом: «Служение прогрессу в науке и жизни, и открытая, неутомимая борьба против всего, что мешает этому прогрессу, что ведет к мраку, а не к свету — вот наше направление, вот принятая нами на себя добровольно обязанность, и мы не изменим ей никогда, как никогда не изменяли, и скорее прекратим издание, чем сделаем хотя малейшую уступку!» (*Краевский А.* Об издании «Отечественных Записок» в 1860 году // Отечественные Записки. 1859. Ноябрь. С. 2.). Андрей Александрович Краевский (1810–1889) — русский издатель, редактор, журналист. Известен как редактор-издатель либерально-западнического журнала «Отечественные записки», где Краевский публиковал в 1840—1850-е годы таких авторов, как В. Г. Белинский, А. И. Герцен, В. П. Боткин и Т. Н. Грановский. В 1862 году Краевский предлагал архим. Никанору — тогда ректору Саратовской семинарии — сотрудничать в газете «Голос». В архивном фонде Краевского имеется письмо от архим. Никанора от 26 ноября 1862 года с отказом от сотрудничества (см.: ОР НРБ. Ф. 391. (Краевский А. А.) Ед. хр. 573.).

закон, не только непреклонная потребность, но и сила непобедимая, больше и больше улучшать внешний человеческий быт, расширять круг человеческого ведения, усовершать нравственно-эстетическую деятельность. Чем больше человечество будет жить, тем совершеннее будто бы становиться будет по этим трем частям, замыкающим собою круг человеческой деятельности: больше и больше будет покорять себе силы природы, открывать неведомые источники богатства; привыкнет прилагать новоизобретенные средства наслаждения к жизни; опояшет землю телеграфами, железными дорогами, летучими пароходами; рассечет воздух коврами-самолетами; обуздает и оседлает зигзаги молнии; наблюдательным глазом проникнет до центра земли и за пределы тверди небесной; отыщет простейшие формулы мироздания, которые сделают для человеческого ума творение вселенной ясным, как день; о том и говорить нечего, что разольется на земле райская чистота нравов, райская свобода, равенство, братство, — последний из людей наступающего золотого века тоже будет в сравнении с Сократами и Аристидами[8], что они были в свое время в сравнении с дикарями, — последний из людей будет способен не только наслаждаться творениями величайших художников-поэтов, живописцев, музыкантов, но и сам творить дивные вещи в разных родах искусства; воевать между собою люди будут громом небесным и вулканами подземными, но войны наконец прекратятся, споры между людьми будут решаться на всемирном ареопаге, раскуют люди мечи свои на орала и копия свои на серпы, волк с ягненком играть будет, и лев срывать будет цветки полевые вместо того, чтобы пожирать человека. Блаженное будет время! Как мы несчастны, что живем теперь, а не 1000, не 10000, не 100000, не миллион лет после: тогда вот человечество забу-

8. Сократ (469–399 годы до Р. Х.) — древнегреческий философ, представитель античной философии периода средней классики. У Сократа самопознание, познание методов собственного мышления, впервые было понято как условие познания вообще. Сократ учил о добре как всеобщей истине, связывал добро со знанием и был сторонником признания существования высшего Бога. Воззрения Сократа позволяли в христианской традиции называть его «христианином до Христа». Образ Сократа — пример высшей степени нравственности для античного мира. *Аристид* (530–467 годы до Р. Х.) — афинский государственный деятель, полководец периода греко-персидских войн (500–449 годы до Р. Х.). Современники воспринимали Аристида как воплощение добродетелей, в высшей степени честного человека. В трудах античных историков Аристид характеризуется однозначно позитивно, тогда как относительно других известных политиков — Фемистокла, Демосфена, Алкивиада, Перикла — имелись как положительные, так и отрицательные характеристики.

дет даже, что такое называлось у нас слезою! И такое улучшение человечества в геометрической прогрессии будет идти вечно! Хорошо?

Было бы даже прекрасно: если бы такое учение не вытекало из двух бездушных и безбожных антихристианских миросозерцаний, — если бы согласно было с действительностью, иначе — если бы не было химерою, если бы эта химера не вредила существенным условиям жизни.

Истекает оно из двух бездушных и безбожных антихристианских миросозерцаний нашего времени, из которых одно названо идеально-пантеистическим, другое материально-механическим. По обоим миросозерцаниям нет Бога — Творца и Промыслителя и последней цели мироздания. Далее по первому миросозерцанию, существовал от века абсолютно-идеальный ноль[9], в котором не было ни материи, ни силы, ни качества, ни закона, была только возможность и необходимость развития всего из него; вследствие такой — возможности и необходимости из него развивается все, начинаясь простейшими формулами бытия: материальный хаос, парообразное огненно-жидкое состояние миров, химическое разложение и соединение веществ — земля, вода, воздух, минералы, организмы растительные с своим жизненным процессом, животные с своим ощущением, с представлением, с тенью сознания, человек венец мира с своим сознанием: в нем природа, или это абсолютно-идеальное взглянуло само на себя, сознало и осмыслило себя. За тем сзади у человека вперед толкающая необходимость развития, а спереди возможность развития беспредельного, необходимость вечного прогресса! По второму миросозерцанию нет во вселенной не только Бога, но и духа, и силы, и причинности, и целесообразности, есть только последовательность бытия; был от века хаос с механическими и химическими свойствами составляющих его частиц вещества; по своим свойствам эти частицы вещества передвигаются с места на место, из форм простейших в более сложные, из хаоса в миры, в солнца, планеты, нашу землю, здесь в царства неорганическое, органическое,

9. «Абсолютно-идеальный ноль» указывает у архиеп. Никанора на исходное положение философии Г. В. Ф. Гегеля о тождестве бытия и ничто. Во втором томе своего философского трактата «Позитивная философия и сверхчувственное бытие» архиеп. Никанор отождествляет «ничто» с «нулем». «Ноль» в философии самого архиеп. Никанора соотносится с «абсолютным небытием», из которого «абсолютное бытие» посредством самоограничения творит конкретные индивидуальные сущности.

животное; была когда-то земля в таких условиях, что произвела из себя первые организмы, из них — несколько чет людей-полуживотных, от них человеческий род сначала полубессознательный, не мысливший и не мыслимый, не исторический, за тем человечество исторически развивающееся и имеющее развиваться до неведомого предела, до бесконечности! Прогресс! Без сомнения, многие из вас чувствуют, что надо сойти с ума, чтоб понять или чтоб вообразить, что понимаешь эти старые на деле, а в наше время только подновленные учения. Исключая понятие о Боге, они выше всего на свете ставят — обожают человеческое я, узаконяют способный развиться до нелепости эгоизм и в то же время уничтожают человеческую личность, ставя человека на одну доску со скотами, которые сегодня пресмыкаются по земле, а завтра их нет. — Отсюда-то из этого ядовитого источника вытекает пресловутый прогресс!

Вытекает, не оправдываясь ни астрономическими, ни геологическими, ни физиологическими, ни психологическими, ни историческими опытами... Кто из естествоиспытателей, психологов, историков не знает и не допускает, что смертью даже миры разрушатся и солнца потушатся, что земля или замерзнет от окружающего ее в пустом пространстве холода (говорим ad hominem[10] с так называемой научной точки зрения) или развалится от возможного, хотя и непредвидимого в настоящую пору столкновения с каким-нибудь небесным телом, или сгорит от своего внутреннего огня, или упадет на солнце и опять-таки сгорит, — что земля в частях и в целом дряхлеет: там царствует смерть и пустыня, где прежде процветали великолепнейшие царства растительности и животной жизни, — что Египет и юго-западная Азия потеряли много своей жизненности, — что станет тесна земля для людей, как уже сделалась тесна в Китае, и откажется прокармливать их, как уже отказывается в Англии, во Франции и в том же Китае, — что природа человеческая способна истощаться: в целых народах уменьшается сила чадородия, сокращается рост тела, как замечают о Франции; редеет долголетие, накопляется наследство болезней от отцов для детей, — исчахли невозвратно душевные силы нескольких исторических народов отживших, чахнут душевные силы народов отживающих — по сознанию

10. *Ad hominem* — применительно к человеку; доказательство, основанное не на объективных данных, а рассчитанное на чувства человека.

многих, — исторические народы становились и становятся в безысходное положение — по сознанию многих, — изгибли целые народности и развитые цивилизации азийские и американские без всякого почти следа для человеческого сознания, — тысячелетия существовали и существуют довольно развитые народы, сами вперед вовсе почти не подвигаясь и на других не влияя, каковы народы Китая, средней Азии, средней Африки, — азийский восток одряхлел и Греция не могла оживить его, Греция одряхлела и Рим не оживил ее, Рим и с ним до-христианская вселенная одряхлели, и новые народы не оживили, а добили его, и гражданственность рухнула для всего исторического человечества на целые веки, — ни мы, ни Америка не оживим старую Европу, если ей вздумается одряхлеть, — я сделался несчастнее с тех пор, как стал умнее и потерял чистоту и восприимчивость детского сердца, — простой честный русский человек не будет чувствовать себя блаженнее, когда будет походить на лорда Байрона, на Виктора Гюго, на наших Пушкина или Лермонтова, — поющая и прыгающая поэзия обвивает колыбель народа, а в эпоху высшего его развития раздражает отупевшие чувства его поэзия раздирательная — трагическая и комико-сатирическая, или подогревает холодеющую кровь стареющего народа поэзия баснословная, напевающая старичку сказки о его милом детстве, когда боги и звери по-человечески обращались с ним и между собою, — увеличивая достаток житейский, запас знания, картинные галереи, средства видеть оперу и балет, частный человек редко делается счастливее, а народ не сделался от того счастливее ни один, напротив, мы знаем — народы переходили от достатка к безумной расточительности, от многознания к горестной для всякого потере всякого убеждения, от утонченных в эстетическом смысле зрелищ к циркам, к боям гладиаторов, к освещению улиц горящими людьми!? Быть может, обобщится выгодами жизни, языком, законодательством все человечество, достигнет апогея в развитии возможного земного счастья, мысли, мягких нравов, вкуса, и затем всею массою склонится к общечеловеческому упадку; на густо-заселенной и истощенной земле в истощенных телах истощится душевными силами, и сделается неспособным к дальнейшему человеческому существованию; а к этому подойдет, быть может, мировой переворот, который положит конец теперешнему порядку человеческого бытия? И что же тогда станется с этим пресловутым прогрессом?! Эти были и вероят-

ности до такой степени согласны с выводами всех наук, исключая химерическую немецкую философию, что допускаются самыми крепкими представителями современной русской мысли, которых считают предводителями много-шумящей о прогрессе, но мало вообще мыслящей толпы.

И этому химерическому прогрессу хотят пожертвовать нашим русским и общечеловеческим беспредельно-совершенным Богом, бессмертным человеческим духом, христианством... Разве мало тут потери для нашего вечного блаженства, для временного счастья каждого из нас, для спокойствия и преспеяния целого отечества?! Немецкий прогресс и вечное личное существование моего духа — это два понятия несовместимые; о вреде этого учения для нашего вечного блаженства тут и говорить нечего. Но будет ли русский человек счастливее даже на земле, если уничтожить в нем его наследованную от отцов веру? Произведите вы душевный разлад в немыслящих массах, — во веки веков не поправите этот бедственный перелом: это мы чувствуем даже в себе самих, тогда как мы способны обмыслить многое... Подорвите в православной России православно-русскую веру, — вы сгубите Россию: упадок духа религии в Греции и Риме совпал с упадком и падением Греции и Рима, будучи одною из признанных причин этого упадка и падения... Не говорим о том, что это химерическое учение учит презирать все прошедшее, громить укорами настоящее, нетерпеливо рваться к будущему, — что превращает оно Богоустановленный испоконный порядок отношений: смотрите, как высоко молодежь начинает поднимать голову, клеймит, позорит власти, отцов и наставников, огорчается тем, что не мы тащимся за ними, а их вести за собою свое право предъявляем, придерживаясь векового седой народной мудрости пресловия об известной домашней птице с ее произведениями, — что грозит оно крутыми переворотами; — что, смотря глубже, хочет заставить Россию поспешно изжить предопределенную ей долю жизни, пробежать предназначенный нашему народу круг существования подобно тому, как рука шаловливой неопытности может спустить пружину часов, и часы опишут в несколько секунд все те круги, которые правильным ходом должно было совершить в сутки и более, и за тем станут: так как это безбожное и бездушное антихристианское учение о прогрессе есть тот крайний вывод растления мысли и нравов, к которому человечество в массе и то без сомнения не все может придти не ранее, как через 1000 лет.

Враждебно ль после этого христианство прогрессу?

Не христианство ему враждебно, а он хотел бы с лица земли стереть христианство. Неблагодарный — он забыл, что чистейшая идея, в искаженном виде положенная в его основу, и то так называемое гуманное направление, которым он столько тщеславится, вытекли из христианства. Христианство хочет только сдержать его излишнюю порывистость и направить его на стези правые, на которых молодая бодрость этого учения могла бы много добра принести нашему времени и нашему народу. По учению христианскому, для беспредельного преспеяния во всех отраслях духовно-телесной жизни, для безграничного уподобления существу Всесовершенному, для более и более тесного, для бесконечно-тесного соединения с Ним и в Нем с своим счастьем предназначен был человек первозданный. Не отрицает христианство и того, что для этой же цели существует в мире и падший человек; но яд греха испортил природу его и природу внешнюю для него: достижение этой цели на земле в малой мере сделалось для него трудным, а в полной невозможным. По указанию опыта, осмысливаемому христианством, стихии всегда будут воевать с благоденствием человека и человек никогда вполне не покорит их себе; его тело обречено на смерть и болезни, и грехи отцов будут увеличивать оброк смертности и немощей для потомства; человеческий ум, способный познать многое из того, как вещи бывают, безмерно-многого и в этом круге исследования не узнает никогда, есть ли, например, растения на одной из звезд, принадлежащих к туманным пятнам, а того, почему бывает что, почему и какими зубцами та или другая невесомая сила действует на вещество, что такое вещество, что во мне мыслит, где причина общей жизни и движения, не узнает никогда на земле, будучи не в силах и отрешиться в то же время от этих неразрешимых вопросов; воля человека, способная при добром направлении подниматься до высокой степени нравственного совершенства, никогда не отрешится от необходимости, работая закону ума, работать и закону греховному, сущему во удах наших; сердце человека самое развитое никогда не будет вполне довольно, и самое развитое, наоборот, будет чувствовать здесь всего менее довольства и будет рваться вон из этой юдоли плача и несовершенства. О целых массах человечества христианство учит, что допотопное человечество изгибло за безбожие и погружение в материализм, что вследствие проклятья и благословения Ноева, хамиты, коренные африканцы,

обречены частью на истребление, частью на долговечное рабство прочим народам, а семитам-азиятцам предопределено сохранить для человечества истинную веру, — иафетитам-европейцам предопределено овладеть всею землею, что до-христианские народности сгибли вследствие забвения Бога истинного и растления нравов, — что христианству предназначено влить в человечество новую жизнь, — что иафетиты-европейцы разнесут христианство во все концы земли — пронесут проповедь Евангелия по всей вселенной, — что христианству предопределено проникнуть во все изгибы человеческой жизни: возродить науки, оживотворить искусства, очистить и смягчить нравы: вследствие этого приложится человечеству много и земных благ, — достигши апогея развития в истинно-христианском направлении, человечество растлится обольстительными антихристианскими учениями, подобными современному учению о прогрессе, и склонится к упадку во всех отношениях: вера иссякнет, чистота сердца исчезнет, нравственность падет. *В последняя времена отступят неции от веры, внемлюще духовом лестчим и учением бесовским* (1 Тим. 4, 1)[11], так что Спаситель, пришед на землю, *едва обрящет веру. Люди тогда здравого учения не послушают, но по своих похотех изберут себе учителей, чешеми слухом* — имея зуд в ушах, *и от истины слух отвратят и к баснем уклонятся* (2 Тим. 4, 3–4)[12]. И эти учители *прегордая суеты вещающее, завлекут в скверны плотских похотей даже тех, которые отбегают всячески от них, свободу им обещавающе, сами раби сущее тления* (2 Петр. 2, 18–19)[13]. *В последния дни настанут времена люта: будут бо человецы самолюбцы, сребролюбцы, величави, горди, хульницы, родителям противящиися, не благодарни, не любовни, не примирительни, клеветницы, невоздержницы, предателе, нагли, сластолюбцы, всегда учащияся*

11. Синодальный перевод: «Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским…» (1 Тим. 4, 1).

12. Синодальный перевод: «Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням. Но ты будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служение твое» (2 Тим. 4, 3–5).

13. Синодальный перевод: «Ибо, произнося надутое пустословие, они уловляют в плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении. Обещают им свободу, будучи сами рабы тления; ибо, кто кем побежден, тот тому и раб» (2 Петр. 2, 18–19).

и никогда в разум истины прийти могущия (2 Тим. 3, 1–7)[14]. *Восстанет тогда народ на народ и царство на царство и будут глады и пагубы и землетрясения по местам* (Матф. 24, 8)[15]. Общечеловеческое растление мысли и нравов проложит тогда дорогу деспотизму, похожему на деспотизм некоторых римских императоров, которым не только воображалось, а даже чувствовалось, как они из людей дурных делались богами, которые потому и провозглашали себя богами: *откроется тогда* подобный им *человек беззакония, сын погибели, противник и превозносяйся паче всякого глаголемого бога или чтилища, так что сядет он в церкви Божией, как бог, показывая о себе, что он бог,* — который придет *по действу сатаны,* вооруженный всякою силою естественных открытий, *знамениями и чудесами ложными, всякою лестью неправды,* неодолимою *для погибающих: за то, что любви к истине они в себе не воспитали; за то пошлет на них Господь действо обольщения, так что поверят они лжи* (2 Сол. 2, 1–12)[16]. *Будут тогда знамения в солнце и луне*

14. Синодальный перевод: «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся. К сим принадлежат те, которые вкрадываются в домы и обольщают женщин, утопающих во грехах, водимых различными похотями, всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины» (2 Тим. 3, 1–7).

15. Точнее — Евангелие от Матфея 24, 7: «…восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам…»

16. Приводится текст второго послания апостола Павла Фессалоникийцам (Солунянам) о пришествии Антихриста и его гибели. Полностью текст выглядит так: «Молим вас, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании к Нему, не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов. Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога. Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это? И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь. И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду» (2 Фес. 2, 1–12).

и в звездах, и на земле туга народам от чаяния шума морскаго и волнения; будут люди издыхать от страха и тепетнаго чаяния грядущих зол на вселенную, ибо силы небесныя поколеблются (Лук. 21, 25–26)[17]. *Будет тогда скорбь велия, какая не была от начала мира доселе и не имеет быть. И если б не прекратились дни те, не спаслась бы никакая плоть: избранных же ради Божиих прекратятся дни те* (Матф. 24, 21)[18]. Когда человечество оядотворенное всеобщим неверием и отчаянием, сделается окончательно неспособным к дальнейшему разумно-нравственному существованию на земле: *тогда приидет день Господень, как тать в ночи, день, в который небеса с шумом мимо идут, стихии же сжигаемыя разорятся, земля и какие на ней дела сгорят* (2 Пет. 3, 10)[19]. *И когда прейдут первое небо и земля первая: будет тогда небо новое и земля новая; и вселится тогда Бог с праведными человеками: и те будут Его людьми и сам Бог будет с ними Бог их; и отымет Господь всякую слезу от очей их, и смерти не будет более; ни плача ни вопля ни болезней не будет более: яко первая мимоидоша,* и Господь Вседержитель скажет тогда: *се нова вся творю* (Апок. 21, 1–5)[20].

17. Синодальный перевод: «И будут знамения в солнце и луне и звездах, а на земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится; люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную, ибо силы небесные поколеблются…» (Лк. 21, 25–26).

18. Точнее — Евангелие от Матфея 24, 21–22: «…ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет. И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни».

19. Синодальный перевод: «Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (2 Петр, 3, 10).

20. Приводится текст из Откровения Иоанна Богослова (Апокалипсиса). Полностью текст выглядит так: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святый город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло. И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое. И говорит мне: напиши; ибо слова сии истинны и верны» (Откр. 21, 1–5).

Вот не здесь ли настанет для человечества нечто похожее на то, что называется беспредельным и вечным прогрессом?

Невраждебная разумному преспеянию, не только вечному, но и временному благу человечества, Христова Церковь постоянно и в благознаменательный день нового года особенно молит Господа, чтобы Он воздвиг нас из глубины греховной, и затем избавил нас от глада и губительства, от труса и потопа, от огня и меча, от нахождения иноплеменных и междоусобной брани, от напрасной смерти и от тлетворных ветров и от смертоносной язвы и от всякого зла, чтобы подал нам мир и здравие и просветил наш ум и очи сердечные ко всякому благопоспешению на земле и ко спасению в небе, чтобы наконец сподобил нас грешных Своего Небесного Царствия. И мы этого вам желаем и с Бого-дарованным новым годом поздравляем.

В частности, всем желаем в наступающих 70-х годах твердой памяти грозного урока, преподанного печальным исходом, повального легкомыслия начала истекших 60-х годов, повальной заразы легкомысленного восстания на основные вековечные начала народной жизни[21].

А. Н.[22]

21. Это предложение добавлено в 1870 году при подготовке проповеди для публикации в журнале Казанской духовной академии «Православный собеседник».

22. Необходимость подписаться сокращенно «А. Н.» (Архимандрит Никанор) в данном номере «Православного собеседника» обусловлена, по всей видимости, тем, что в томе этого журнала, где была опубликована проповедь, завершалась публикация большой работы архим. Никанора «Вопрос о перстосложении для крестного знамения и благословения по некоторым новоисследованным источникам» и началась публикация работы «Цареградская церковь святой Софии — свидетельница древле-православного перстосложения». Обе эти статьи подписаны полностью — «Архимандрит Никанор». В том же томе «Православного собеседника» опубликовано поучение архим. Никанора «Слово в день Православия и восшествия на престол Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича». Это «Слово» также подписано «А. Н.».